

МАГИССА

КОМСОМОЛКА
для
ТРАКТОРИСТОВ

Магисса –
Комсомолка для Трактористов

«Литнет»

2025

– М.

Комсомолка для Трактористов / М. – — «Литнет», 2025

ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО!! Первые 3 дня мини бесплатно! Подпишись, чтобы не пропустить новинки! ♥#Я смотрела на них, на этих двух сильных, красивых мужчин, которые стояли передо мной, ожидая моего решения. И я поняла, что не могу выбрать. Не могу отказаться ни от одного из них. Потому что каждый из них занимал в моем сердце свое, особое место. «Я... я не могу...» – прошептала я, слезы снова навернулись мне на глаза. – «Я не могу выбрать. Я... я хочу вас обоих». Слова вырвались сами собой, прежде чем я успела их обдумать. Я испугалась своей собственной смелости, своей откровенности. Но было уже поздно. Мужчины переглянулись. В их глазах я увидела удивление, недоверие, а потом... потом что-то еще. Какой-то новый, темный, опасный огонь. цикл «Деревенские страсти»

© – М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1

Пыльный, разбитый автобус «ПАЗик», дребезжа всеми своими железными сочленениями, наконец, выплюнул меня на раскисшую от недавнего дождя площадь перед единственным в селе Раздольное кирпичным зданием с гордой вывеской «Правление колхоза "Красный Пахарь"».

Я, Зоя Васильевна Светлова, двадцатидвухлетняя выпускница культпросветучилища, с комсомольским значком, гордо алеющим на лацкане новенького, чуть мятого от дороги, синего платья, стояла посреди этой бескрайней, пахнувшей навозом и влажной землей, советской глубинки, и чувствовала, как мой идейный энтузиазм дает первую, едва заметную трещину.

Город, с его асфальтированными проспектами, неоновыми огнями и бурлящей культурной жизнью, остался где-то там, за сотнями километров пыльных дорог. А здесь... Здесь была другая реальность.

Несколько покосившихся изб, утопающих в буйной зелени лопухов и крапивы, безмолвные, любопытные взгляды редких прохожих – женщин в выцветших платках и мужчин в засаленных телогрейках, – да бескрайние, до самого горизонта, поля, над которыми тяжело нависало хмурое осеннее небо.

В воздухе висел густой, незнакомый мне запах – смесь дыма из печных труб, кисловатого аромата силоса и чего-то еще, первозданного, почти звериного.

«Ну, здравствуй, "Красный Пахарь"», – прошептала я сама себе, сжимая в руке свой единственный, выдавший виды чемоданчик, в котором, помимо скромного гардероба, лежали томик Есенина, сборник комсомольских песен и пачка новеньких плакатов с призывами к ударному труду и повышению культурного уровня.

Я приехала сюда по распределению – нести свет знаний и культуры в массы, поднимать боевой дух колхозников, организовывать кружки, лекции, самодеятельность. И я была полна решимости выполнить свою миссию, несмотря ни на что. По крайней мере, я так думала.

Из правления вышел кряжистый, обветренный мужчина лет пятидесяти, в стоптанных кирзовых сапогах и выцветшей гимнастерке. Это был председатель колхоза, Егор Кузьмич Бобров, о котором меня предупреждали еще в райкоме – человек суровый, немногословный, но справедливый.

«Светлова, что ль, прибыла?» – спросил он, не здороваясь, его зоркие, чуть прищуренные глаза внимательно меня изучали. Голос у него был низкий, с хрипотцой, как у заядлого курильщика.

«Так точно, товарищ Бобров, Зоя Васильевна», – отрапортовала я, пытаюсь придать голосу твердость, хотя колени предательски дрожали.

«Ну, проходи, культпросвет», – хмыкнул он, пропуская меня вперед. – «Поглядим, какой из тебя свет получится».

Кабинет председателя был под стать ему самому – простой, почти спартанский. Грубо сколоченный стол, несколько разномастных стульев, на стене – портрет Ленина и выцветший плакат с призывом «Все на борьбу с засухой!». Пахло махоркой и чем-то кислым, вероятно, вчерашними щами.

Егор Кузьмич усадил меня на один из стульев, сам тяжело опустился напротив. Долго молча разглядывал меня, потом достал из кармана кисет, скрутил толстую самокрутку, прикурил от спички. Комнату наполнил едкий, горьковатый дым.

«Значит, культуру нам поднимать приехала», – наконец произнес он, выпустив кольцо дыма. – «Ну-ну. Дело хорошее. Только народ у нас тут простой, рабочий. Книжками их сильно не заманишь. Им бы после трудового дня чарку принять да под гармошку сплясать. Вот тебе и вся культура».

«Но, товарищ председатель», – попыталась возразить я, чувствуя, как мой энтузиазм снова дает трещину. – «Культура – это не только пляски. Это и знания, и эстетическое воспитание, и духовный рост...»

«Рост, говоришь?» – усмехнулся он. – «У нас тут другой рост в почете – урожая. А духовный... это ты к бабке Матрене сходи, она тебе про духовный рост расскажет, если самогонкой угостишь».

Я покраснела до корней волос. Кажется, моя миссия будет гораздо сложнее, чем я себе представляла.

«Жилье тебе выделили», – продолжил Бобров, не обращая внимания на мое смущение. – «Каморка при клубе. Не хоромы, конечно, но крыша над головой есть. А там – поглядим. Если приживешься, может, и получше что найдем».

Клуб оказался таким же убогим, как и все остальное в этом селе. Покосившееся деревянное здание с заколоченными досками окнами и выцветшей вывеской «Дом Культуры». Внутри – затхлый запах пыли и мышей, обшарпанные стены, сцена с рваным задником и несколько рядов сломанных деревянных стульев. Моя «каморка» была крошечной комнаткой за сценой, с узкой железной кроватью, колченогим столом и одним-единственным стулом. Удобства, естественно, во дворе.

«Ну, располагайся, культпросвет», – хмыкнул Егор Кузьмич, оставляя меня одну посреди этого уныния. – «Завтра с утра на планерку, познакомлю с народом. А сейчас отдыхай. Если сможешь».

Смогу ли я? Я опустилась на скрипучую кровать, и слезы сами покатались из глаз. Куда я попала? Зачем? Все мои радужные мечты о том, как я буду нести свет и знания в массы, разбились о суровую деревенскую реальность.

Хотелось все бросить, собрать свой чемоданчик и бежать отсюда без оглядки. Но я знала, что не сделаю этого. Я – комсомолка. А комсомолцы не сдаются.

Первая ночь в Раздольном была долгой и тревожной. За тонкой стеной клуба кто-то до утра горланил пьяные песни под дребезжащую гармошку. За окном выл ветер и скреблись по стеклу ветки старой яблони.

Я лежала на своей жесткой кровати, кутаясь в тонкое одеяло, и думала о своей новой жизни. И о тех людях, с которыми мне предстояло здесь работать. Особенно о двух из них, которых я мельком увидела сегодня днем, когда Егор Кузьмич показывал мне колхозные уголья.

Они стояли у огромного, рычащего трактора на краю свежевспаханного поля. Два тракториста. Такие разные, но оба – как воплощение самой этой земли, сильные, крепкие, настоящие.

Первый, Иван, был высоким, широкоплечим, с обветренным, немного суровым лицом и светлыми, почти бесцветными глазами, которые смотрели прямо, испытующе. Он был немногословен, отвечал на вопросы председателя короткими, отрывистыми фразами, и все время возился со своим трактором, его огромные, мозолистые руки, выпачканные в мазуте, двигались уверенно, со знанием дела.

Когда я подошла ближе, он лишь на мгновение оторвался от работы, бросил на меня быстрый, изучающий взгляд, от которого у меня почему-то екнуло сердце, и снова погрузился в свои дела. В нем чувствовалась какая-то скрытая, первобытная мощь, надежность скалы, но и отстраненность, почти холодность.

Второй, Петр, или Петька, как его тут же фамильярно назвал председатель, был полной его противоположностью. Ростом пониже, но такой же крепкий, ладно скроенный. Темные, выющиеся волосы выбивались из-под засаленной кепки, на губах играла озорная улыбка, а в карих глазах плясали веселые бесенята.

Он сразу заметил меня, отпустил какую-то шуточку по поводу «городской фифы», от которой я покраснела, потом подмигнул и с деланой серьезностью предложил: «А хотите, товарищ культпросвет, прокачу вас на нашем железном коне? С ветерком! Сразу всю городскую хандру как рукой снимет!»

Я, конечно, отказалась, смущенно пролепетав что-то о делах, но его задор, его бьющая через край энергия, его открытая, чуть нагловатая манера общения не могли не вызвать симпатии. Он был как солнечный луч в этом хмуром, суровом мире.

И вот теперь, лежа в своей холодной, неудобной каморке, я думала о них. Об Иване, с его молчаливой силой и пронзительным взглядом. И о Петьке, с его заразительным смехом и дерзкими комплиментами. Интересно, какие они на самом деле? Смогу ли я найти с ними общий язык? Смогу ли я зажечь в их сердцах огонь культуры и просвещения?

Я усмехнулась своим мыслям. Какая же я еще наивная идеалистка! Они – трактористы, люди земли, их мир – это поля, машины, тяжелый физический труд. А я – городская девчонка с книжками и плакатами. Что у нас может быть общего?

Но почему-то именно их образы – сильные руки Ивана, выпачканные в мазуте, и озорная улыбка Петьки – не выходили у меня из головы. Я почувствовала, как по телу пробежала легкая, необъяснимая дрожь. «Глупости все это», – строго сказала я себе. – «Не подобает комсомолке думать о таких вещах. У меня есть задача, миссия. И я должна ее выполнить».

Я перевернулась на другой бок, пытаясь заснуть. Но сон не шел. А перед глазами снова и снова возникали они – два тракториста из колхоза «Красный Пахарь». Два таких разных, но таких... настоящих мужчины.

Утром я проснулась от громкого стука в дверь. Это был Егор Кузьмич.

«Поднимайся, культпросвет! Планерка через полчаса. Народ ждет».

Я быстро оделась, привела себя в порядок, стараясь выглядеть как можно более строгой и официальной. Но сердце все равно колотилось от волнения. Сегодня мне предстояло познакомиться со всем коллективом, и, возможно, снова увидеть их – Ивана и Петра.

Планерка проходила в том же кабинете председателя. Народу набилось немного – несколько женщин-доярок, с усталыми, но любопытными лицами, пара пожилых механизаторов, да бригадир полеводческой бригады, хмурый, уса́тый мужик.

И они. Иван сидел в углу, молчаливый, как всегда, его руки были скрещены на мощной груди, взгляд устремлен куда-то в сторону. Петька, наоборот, устроился поближе к двери, весело переговаривался с доярками, и, когда я вошла, тут же подмигнул мне и широко улыбнулся.

Егор Кузьмич коротко представил меня, обрисовал мои задачи – «поднимать культуру, организовывать досуг, ну и вообще, чтобы не скучно было». Народ слушал молча, без особого энтузиазма. Я почувствовала себя первопроходцем, высадившимся на необитаемый остров.

После планерки, когда все начали расходиться, ко мне подошел Петька.

«Ну что, товарищ Зоя Васильевна, как вам наши палестины?» – спросил он с усмешкой. – «Не испугались еще деревенской жизни?»

«Я не из пугливых, товарищ Сидорчук», – постаралась я ответить как можно более официально, хотя его близость, его запах – смесь табака, солянки и чего-то еще, неуловимо мужского – смущали меня.

«Это хорошо», – кивнул он. – «А то у нас тут народ суровый, но отходчивый. Если что, обращайтесь. Чем смогу – помогу. Могу, например, клуб ваш подремонтировать. А то он у вас, того и гляди, развалится».

«Спасибо за предложение», – сказала я, чувствуя, как теплеет на душе от его неожиданной участливости.

«Да не за что», – он снова подмигнул. – «Может, и вы мне когда-нибудь поможете. Культурно просветите, так сказать». Он выразительно посмотрел на меня, и я снова покраснела.

В этот момент к нам подошел Иван. Он молча кивнул Петьке, потом посмотрел на меня своим прямым, пронзительным взглядом.

«Если что по хозяйству надо будет – дров там, воды привезти – скажи», – проговорил он своим низким, хрипловатым голосом. – «Помогу».

И, не дожидаясь ответа, развернулся и вышел.

Я осталась стоять в растерянности. Два таких разных мужчины, и оба предложили мне свою помощь. Это было неожиданно и... приятно. Может быть, не все так плохо в этом «Красном Пахаре»? Может быть, я смогу здесь не только выполнить свою комсомольскую миссию, но и найти... что-то еще?

Мысли путались. Я чувствовала себя героиней какого-то старого романа, оказавшейся на перепутье. С одной стороны – суровая, молчаливая сила Ивана, от которой веяло надежностью и какой-то первозданной мощью. С другой – искрометное обаяние Петьки, его жизнерадостность, его готовность прийти на помощь и его недвусмысленные намеки.

Сердце мое, такое строгое и идейное еще вчера, сегодня трепетало, как пойманная птичка. Я понимала, что моя жизнь в этой глухой деревне обещает быть гораздо более сложной и... волнующей, чем я могла себе представить.

И эти два тракториста, Иван и Петр, сыграют в ней далеко не последнюю роль. Я еще не знала, какую именно, но предчувствие чего-то важного, чего-то запретного и невероятно притягательного уже поселилось в моей душе.

Я стояла посреди опустевшего кабинета председателя, и мне казалось, что воздух вокруг меня наполнился запахом свежевспаханной земли, горячего металла и мужского пота. И этот запах почему-то кружил мне голову.

Глава 2

Дни в Раздольном потекли своей неспешной, однообразной чередой, как мутная вода в местной речушке Каменке.

Я с головой окунулась в работу, пытаюсь вдохнуть жизнь в заброшенный деревенский клуб. Выбила у председателя краску и доски, вместе с немногочисленными энтузиастами из числа местной молодежи мы подлатали сцену, побелили стены, развесили мои городские плакаты с лозунгами о светлом будущем и портретами вождей.

Организовала кружок художественной самодеятельности, агитбригаду и даже попыталась приобщить суровых доярок к высокому искусству хорового пения. Получалось, честно говоря, не очень.

Народ здесь был действительно простой, привыкший к тяжелому физическому труду, и мои призывы к духовному росту и эстетическому воспитанию воспринимались в лучшем случае со снисходительной усмешкой.

Но я не сдавалась. Я – комсомолка, а значит, трудности меня только закаляют. Моя густая белесая коса, которую я по привычке туго заплетала и укладывала короной вокруг головы, чтобы не мешала, часто растрепывалась от активной работы, и золотистые прядки, выбиваясь, щекотали шею. Городская бледность понемногу сходила с лица, уступая место здоровому деревенскому румянцу, а руки, привыкшие к книгам и ручке, грубели от краски и молотка.

Иван Громов... Он стал для меня в эти первые, самые трудные недели, какой-то молчаливой, но такой надежной опорой.

Он никогда не навязывался, не лез с советами, но всегда оказывался рядом, когда мне нужна была мужская помощь. То привезет на своем тракторе доски для клуба, то починит протекающую крышу в моей каморке, то просто подвезет на телеге из райцентра, куда я ездила за новыми методичками.

Делал он все это молча, основательно, с какой-то сосредоточенной серьезностью. И я все чаще ловила на себе его прямой, пронзительный взгляд светлых, почти прозрачных глаз. Взгляд, от которого у меня по спине пробегали мурашки, а сердце начинало биться чаще.

Он редко улыбался, но когда это случалось – например, когда я, неуклюже взмахнув молотком, попадала себе по пальцу, или когда наши хористки в очередной раз безбожно фальшивили, – его суровое, обветренное лицо преображалось, морщинки у глаз собирались в смешные лучики, и в глубине его светлых глаз вспыхивала теплая, почти мальчишеская искорка. И в эти моменты он казался мне не таким уж суровым и неприступным.

Я замечала его сильные, мозолистые руки, так уверенно управлявшиеся и с рычагами трактора, и с топором, и с молотком. Замечала его широкие, могучие плечи, на которых, казалось, можно было бы нести весь мир. Замечала, как напрягаются мышцы на его шее, когда он поднимал что-то тяжелое. И этот запах, который всегда его сопровождал – запах земли, машинного масла, свежескошенной травы и чего-то еще, терпкого, мужского, от которого у меня слегка кружилась голова.

Однажды я возвращалась из соседней деревни, куда ходила договариваться о совместном концерте художественной самодеятельности. День был жаркий, пыльный, и я, уставшая, решила срезать путь через лес. Конечно же, я заблудилась.

Солнце уже клонилось к закату, когда я, измученная, исцарапанная, в отчаянии опустилась на поваленное дерево. Слезы сами покатались из глаз. И тут, словно из-под земли, появился он. Иван. На своем верном «Беларусе».

«Заблудилась, культпросвет?» – спросил он своим обычным, немногословным тоном, но в его голосе я уловила нотки беспокойства.

Я только смогла кивнуть, не в силах вымолвить ни слова от облегчения и подступивших слез.

Он молча помог мне забраться в кабину трактора, такую тесную, что я почти касалась его плечом. Всю дорогу до деревни мы ехали молча. Я чувствовала жар, исходящий от его тела, слышала его ровное, спокойное дыхание, видела его сильные руки, уверенно лежащие на руле. И это молчание было красноречивее любых слов. Я чувствовала себя защищенной, в безопасности, рядом с этим большим, сильным, надежным мужчиной.

Когда мы подъехали к моему клубу, уже совсем стемнело. Я неуклюже попыталась спрыгнуть с высокой подножки трактора, но нога соскользнула, и я бы непременно упала, если бы его сильные руки не подхватили меня в самый последний момент. Я оказалась прижатой к его груди, такой твердой, такой горячей.

На мгновение я замерла, вдыхая его запах, чувствуя, как бешено колотится мое сердце. Он тоже замер, его руки все еще крепко держали меня. Я подняла голову и встретила с его взглядом. Его светлые глаза в полумраке казались темными, в них плескалось какое-то незнакомое мне, пугающее и одновременно притягательное выражение.

«Спасибо, Иван Матвеевич», – прошептала я, чувствуя, как горит лицо.

«Осторожнее надо, Зоя Васильевна», – так же тихо ответил он, его голос был хриплым. Он медленно опустил меня на землю, но его руки еще на мгновение задержались на моей талии. Это прикосновение было как ожог. Я чувствовала, как под его ладонями напряглось мое тело, как предательски задрожали колени.

Он отступил на шаг, откашлялся. «Спокойной ночи». И, не дожидаясь ответа, развернулся и ушел, его широкая спина быстро растворилась в темноте.

А я осталась стоять, прижав руки к пылающим щекам, и долго не могла прийти в себя. Что это было? Просто дружеская помощь? Или... что-то большее? Я боялась признаться себе, что этот молчаливый, суровый тракторист волнует меня гораздо сильнее, чем следовало бы идейной комсомолке.

После этого случая наши отношения как будто изменились. Иван по-прежнему был немногословен, но в его взгляде, в его редких жестах я все чаще замечала какую-то особую теплоту, почти нежность.

Он стал чаще заходить в клуб – то принесет охапку полевых цветов, которые он, оказывается, собирал для меня по дороге с поля, то молча поставит на мой стол кринку парного молока или горшочек лесной малины. Я благодарила его, смущаясь и краснея, а он только хмыкал в ответ и быстро уходил, словно стесняясь своих собственных порывов.

Однажды вечером, когда я допоздна засиделась в клубе, готовясь к очередному мероприятию, он пришел снова. На этот раз он принес не цветы и не ягоды, а старую, потрепанную книгу стихов Есенина – того самого, которого я так любила.

«Вот, нашел у себя на чердаке», – пробурчал он, протягивая мне книгу. – «Может, пригодится для твоей... культуры».

Я взяла книгу, мои пальцы случайно коснулись его руки. Снова этот обжигающий разряд. Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня так пристально, так глубоко, что у меня перехватило дыхание.

«Спасибо, Иван Матвеевич», – прошептала я. – «Это... это очень ценный подарок».

«Да пустяки», – он махнул рукой, но я видела, как дрогнули уголки его губ в подобии улыбки.

Он не уходил. Стоял, переминаясь с ноги на ногу, словно не решаясь что-то сказать или сделать. Тишина в пустом клубе становилась почти невыносимой, нарушаемая лишь тиканьем старых настенных часов и стуком наших сердец.

«Зоя... Васильевна...» – начал он наконец, его голос был хриплым и неуверенным. – «Я это... хотел сказать... Ты это... не думай, что я...» Он запнулся, покраснел, как мальчишка. Таким я его еще никогда не видела.

«Что, Иван Матвеевич?» – я смотрела на него, затаив дыхание, мое сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

Он глубоко вздохнул, шагнул ко мне, сокращая расстояние до минимума. Я чувствовала его горячее дыхание на своей щеке, видела каждую морщинку на его обветренном лице, каждую светлую ресничку, обрамляющую его пронзительные глаза.

«Ты... ты очень хорошая, Зоя», – выдохнул он наконец. – «И красивая. Очень».

И он поцеловал меня. Неумело, почти грубо, его губы были сухими, потрескавшимися от ветра и солнца, но в этом поцелуе было столько сдерживаемой нежности, столько накопленной тоски, столько какой-то первозданной, мужской силы, что у меня закружилась голова.

Я ответила ему, обняв его за шею, прижавшись всем телом. Я чувствовала, как его сильные руки обхватили мою талию, прижали меня к себе так крепко, что я едва могла дышать. Его тело было твердым, как скала, горячим, как полуденное солнце.

Мы целовались долго, отчаянно, словно это был наш первый и последний поцелуй. Я забыла обо всем на свете – о комсомоле, о культуре, о приличиях. Была только эта темная, гулкая тишина клуба, этот запах земли и мужского пота, и эти сильные, надежные руки, державшие меня так крепко, так властно.

Когда он наконец оторвался от моих губ, мы оба тяжело дышали. Его глаза горели каким-то безумным, незнакомым мне огнем. Он смотрел на меня так, словно хотел проглотить, растворить в себе.

«Зоя...» – прошептал он, его голос дрожал. – «Я... я тебя...»

Но он не договорил. Резко отстранился, словно испугавшись своих собственных слов, своих чувств. Схватил свою кепку со стола.

«Прости», – бросил он и, не глядя на меня, выбежал из клуба.

Я осталась одна, дрожа всем телом, прижимая к груди подаренную им книгу Есенина. Губы горели от его поцелуя, а в ушах все еще звучал его срывающийся голос. Что это было? Признание? Или просто минутная слабость? Я не знала. Но я знала одно – этот молчаливый, суровый тракторист разбудил во мне что-то такое, о чем я и не подозревала. Что-то опасное, запретное, но и невероятно притягательное.

Я подошла к маленькому, тусклому зеркальцу, висевшему на стене. Из него на меня смотрела другая Зоя. Растрепанная, с пылающими щеками, с блестящими, испуганными, но и какими-то по-новому счастливыми глазами. Моя коса снова растрепалась, и золотистые прядки обрамляли лицо, делая его мягче, женственнее. Я провела рукой по своим губам, все еще чувствуя на них его прикосновение.

В ту ночь я долго не могла заснуть. Ворочалась на своей жесткой кровати, вспоминая каждую деталь этого вечера. Его взгляд, его голос, его руки, его поцелуй. Мое тело горело, внизу живота разливалось незнакомое, сладкое томление.

Я закрыла глаза и представила его рядом. Его сильное, горячее тело, прижимающееся ко мне. Его руки, ласкающие мою грудь, мой живот, мои бедра. Его губы, целующие меня снова и снова...

Я застонала, чувствуя, как напрягаются мои соски, как влага собирается между ног. Моя рука сама потянулась под ночную рубашку, коснулась сначала набухшей груди, потом – горячего, пульсирующего лона.

Я начала ласкать себя – медленно, неумело, вспоминая его прикосновения, его поцелуи, его запах. Я представляла, как он входит в меня – сильно, глубоко, наполняя меня своей мужской силой. И от этих мыслей мое тело содрогалось в сладких, мучительных конвульсиях.

Оргазм, когда он пришел, был не таким ярким, как я себе представляла, но он принес какое-то странное, горько-сладкое облегчение. Я лежала, тяжело дыша, чувствуя липкую влагу на своих пальцах и на бедрах. Мне было стыдно своих мыслей, своих желаний.

Я – комсомолка, активистка, я должна думать о высоких идеалах, о построении светлого будущего. А я... я думаю о мужчине. О его руках, о его губах, о его теле.

Но я ничего не могла с собой поделать. Этот суровый, молчаливый тракторист, Иван Громов, перевернул весь мой мир. Он разбудил во мне женщину. И эта женщина хотела любить и быть любимой.

Даже если это было неправильно, даже если это было запрещено. Я заснула с его именем на губах, и мне снились бескрайние поля, рычащие тракторы и сильные, надежные руки, обнимающие меня так крепко, так нежно...

Глава 3

После того вечера с Иваном в клубе, моя жизнь в Раздольном словно наполнилась каким-
т

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.